

Александр СЕГЕНЬ
Прозаик, автор романов и повестей на современные темы; для серии «Жизнь замечательных людей» написал книгу «Московский Златоуст» о святителе Филарете, митрополите Московском и Коломенском. Лауреат Большой Литературной премии, премий Московского правительства и издательского совета Московской Патриархии «Просвещение через книгу», премий имени А.М. Горького и В.М. Шукшина. Как публицист печатает статьи по русской истории и культуре, пишет киносценарии. Произведения автора переведены на многие языки мира.

Раньше в деревнях детская смертность зашкаливала, и потому зачастую спешили окрестить младенца как можно скорее, а то, не дай Бог, увидят некрещённым. Вот и меня, хоть я и родился в городских условиях, бабушка Клава понесла совершать первое в жизни человека таинство, когда мне исполнилось всего две недели. Крёстной матерью стала ближайшая подруга моей мамы, Тамара Васильевна Кондейкина, а крёстным — мой родной дядя, мамин брат Александр Тимофеевич. Как позднее рассказывали, во время крещения я проявлял невозмутимое спокойствие, не рыдал и не дрыгался, в отличие от множества иных подобных мне молодцов, но когда священник погружал меня в воду, я каким-то волевым броском умудрился цапнуть его за нос. Прощаясь со мной, батюшка заметил:

— Чудо благодарное, но опрометчивое.

Возможно, это и есть кратчайшая формула моего характера.

Мой дядя Саша уже тогда служил в органах госбезопасности, но ничуть не побоялся крестить меня, даже рассказал об этом одному из своих сослуживцев и вскоре был вызван на ковёр к начальнику. Начальник относился к нему хорошо и потому просто спросил:

— Ты что, сбрендил? Лучшего ничего не мог придумать?

— А что, — невозмутимо пожал плечами мой дядя Саша, — крестить положено. Я, например, крещённый. А вы разве нет?

Начальник хмыкнул, помялся немного и сказал:

— Да хоть обкрестись, только не болтай об этом никому впредь!

Кстати, мне и имя дали в честь дяди Саши. Поначалу мама хотела назвать меня Юрой, как отца. Вот был бы я тогда Юрьорич!.. Некое излишнее юркое сочетание имени и отчества. Но, к счастью, увидев меня в первый раз, мама решительно отвергла возмутительную двойную юркость:

— Да нет, какой же он Юра! Типичный Саша.

Скорее всего это потому, что я напомнил ей не мужа, а брата, с которым она росла не разлей вода. Да и всю жизнь они оставались дружны. Старший их брат Фёдор Тимофеевич родился в 1923 году, Александр Тимофеевич — в 1929, а моя мама — в 1931.

Они ещё успели вместе походить в деревенскую школу, расположенную в пяти километрах от села Высоцкое, где жили с родителями. Дорога до школы лежала через реку Вязьму, и зимой лёд давал возможность немного сократить путь, не тащиться до моста. Однако весной дядя Саша провалился, и моя мама его вытаскивала. Самого-то вытащила, а валенок принял решение стать удобным жилищем для раков. Эти панцирные обитатели в Вязьме в огромных количествах. Так дядя Саша и явился в школу в одном валенке, мокрый, продрогший, а потом ещё и обратно пять вёрст шагал. Увидев его одновальничность, отец, то бишь мой дедушка Тимоша, рассмеялся:

— А кому я говорил больше не ходить по льду? Март месяц. Пёс ты рыцарь после этого. Тащи ремешок, Сашка!

А моя мама взяла вину на себя:

— Он и хотел через мост, а это я его уговорила по льду.

И разделила с братом угощение отцова ремешка. Дядя Саша потом мне часто об этом рассказывал.

— Вот какая твоя мамка-то.

Когда мне исполнился год, крёстный ездил далеко на северо-восток, на Колыму. На вопрос «зачем?» он, естественно, отвечал:

— Колымить.

Но важно не это, а то, что с Колымы он привёз настоящего живого медвежонка! Мы тогда жили все вместе в одной комнате, в метростроевском бараке: бабушка с дедушкой, мама, я, дядя Саша со своей женой Светой и их сын Андрюша, на семь лет меня старше. А тут ещё один жилец появился — Мишутка.

Кто ещё может похвастаться, что рос вместе с медведем? А я могу. Правда, это совместное произрастание оказалось недолгим. Мишутка рос в несколько ином направлении мыслей и вскоре стал кусаться. Сначала ему не понравилось, как с ним сюсюкает соседка и привёл чёткое доказательство, что он от-

нюдь не «холёсенский» и не «спяденький». Потом хватанул Андрея. Потом самого дядю Сашу. И, увы, не дожидаясь роста числа жертв, его свезли в зоопарк. Зато потом мы ходили смотреть на него в клетке с надписью «Бурый медведь». Мы звали его:

— Мишутка, Мишутка!

Угощали сахарком. И нам казалось, он нас помнит и узнаёт. Хотя, скорее всего, тварь это была неблагодарная.

Поскольку я рос без отца, дядя Саша во многом мне его заменял. Быть крёстным он по-прежнему не боялся, говорил мне:

— Зови меня крёстным.

Я так и звал его. По религиозным понятиям настоящим крёстным его никак нельзя аттестовать, он о православии не знал почти ничего и не мог обогатить меня нужными знаниями. Но Александр Тимофеевич жил по хорошему человеческим понятиям, а они и есть христианские.

Забывая о племяннике, крёстный приносил мне подарки. В детстве я часто простужался и, разболеваясь, всегда знал, что дядя Саша обязательно раздобудет мне что-нибудь вкусенькое, например, мою любимую ветчину, такую, которую можно достать только в УлДК, где он и работал. Поначалу я думал, что там какой-то улагодок, но не в смысле награды, а в смысле, что там нечто с небес упадет, успевай только ловить. Потом мама объяснила, что УлДК это Управление дипломатическим корпусом при Министерстве иностранных дел СССР.

Крёстный служил там в разное время на разных должностях, но вообще-то он был кэргэбэшник, следил за иностранцами и докладывал об их действиях. Долгое время крутил баранку в качестве личного шофёра у представителя французской фирмы «Рено» и, как положено, докладывал начальству обо всех передвижениях своего мсье Бернара, но тому это никак не вредило, поскольку он не шпионил, а просто работал у нас в стране.

По утрам дядя Саша вставал пораньше, ехал в свой гараж и прежде чем отправиться к мсье Бернару, заезжал за мной на великолепных иномарках, чтобы отвезти в школу меня и моих друзей: Нефёдика и Галкина. Для нас это, конечно, было особым шиком — с небрежным видом выкатиться из чрева «рено» или «вольво», но чаще всего из роскошного чудовища, которое называлось «форд таунус» и имело ярко-красное тело и чёрную крышу.

— У Саши дядя в дикорпусе работает... Везёт дуракам!

Многие законы человеческого общежития я впервые познал с помощью своего крёстного. Вот один пример. Каждое лето мы отправлялись в деревню: я, бабушка, дедушка и Андрюша. Там мы жили в просторном доме двоюродного племянника моей бабушки, дяди Миши Петрова, егеря в охотхозяйстве. И каждое лето собиралась весёлая ватага: помимо нас с Андреем, дяди-Мишины Слава, Валера и Юра, да ещё их двоюродный брат Колька. Так вот, в детстве я больше всего на свете любил яйца. В любом их состоянии: вкрутую, в мешочек и в сырном. И моя бабушка Клавдия Фёдоровна, зная сие пагубное пристрастие, тайком от остальной ребятни подкармливала меня свежими сырыми яйцами. Вставая всегда раньше всех, она первым делом отправлялась в курятник, приносила только что изготовленную несущими продукцию и пару экземпляров занюхивала для меня. Потом уличала момент и затаскивала меня куда-нибудь в укромный уголок:

— На-ка, унучек, скушай-ка иишко. У городе-то таких не поешь.

Однажды крёстный выследил нас и нагрянул с облавой в тот самый миг, когда я совершал преступное и оттого ещё более сладостное высасывание желтка. Первым делом я познакомился с силой его затрепачины. Потом состоялся короткий товарищеский суд над бабушкой:

— А от тебя, мама, я такого, прости, не ожидал. Тебе стыдно должно быть воспитывать из внука морального урода.

Бабушке стало стыдно:

— Да иди ты у жопу! Ущить меня уздумал!

Но дядя Саша продолжил расправу:

— Следуй за мной!

Он взял меня за ухо и повёл в ещё более укромное место. Я едва не писнул в штаны, ожидая избиения. Мне не столько страшными казались побои, сколько то, что их произведёт мой любимый крёстный.

Но он присел передо мной на корточки и внимательно посмотрел глаза в глаза. Потом произнёс:

— Пойми, дурачок, я в значительной мере отвечаю за то, каким человеком ты станешь. Отвратительно начинать свою жизнь с того, чтобы украдкой жрать яйца, принадлежащие всем поровну. Ты

понял меня?

Я вскрикнул:
— Понял.

И почему-то виновато улыбнулся. Левая половина лица у меня пламенела после встречи с дяди-Сашини десницей. Он сказал:

— Прости, что пришлось тебя ударить. Так ты лучше запомнишь. Только не говори, что бабушка тебя заставляла жрать эти яйца.

Я чуть не разрыдался:

— Да ты чо, крёстныйкий! Нет, я сам её просил!

— Ну ладно, замнём это дело, — он обнял меня и отпустил, легонько шлёпнув по тому самому месту, в которое недавно его самого откомандировала бабушка.

Крёстный одинаково был строг и со мной, и со своим сыном. Однажды мы в

— Прошу предоставить краткосрочный отпуск.

А начальство ни в какую:

— Что, там у вас в родне некому похоронить? Сейчас никак нельзя.

— А я говорю, должен ехать!

— Ишь ты какой! Пиши заявление и увольняйся, если так.

И он взял да и уволился. Бросил завидную работу в земле Бранденбург, собрал всё найитое там имущество и вместе с женой прикатил в Москву, успев как раз к самым похоронам.

На кладбище он мне сказал:

— Теперь я в первом ряду обороны, а ты во втором.

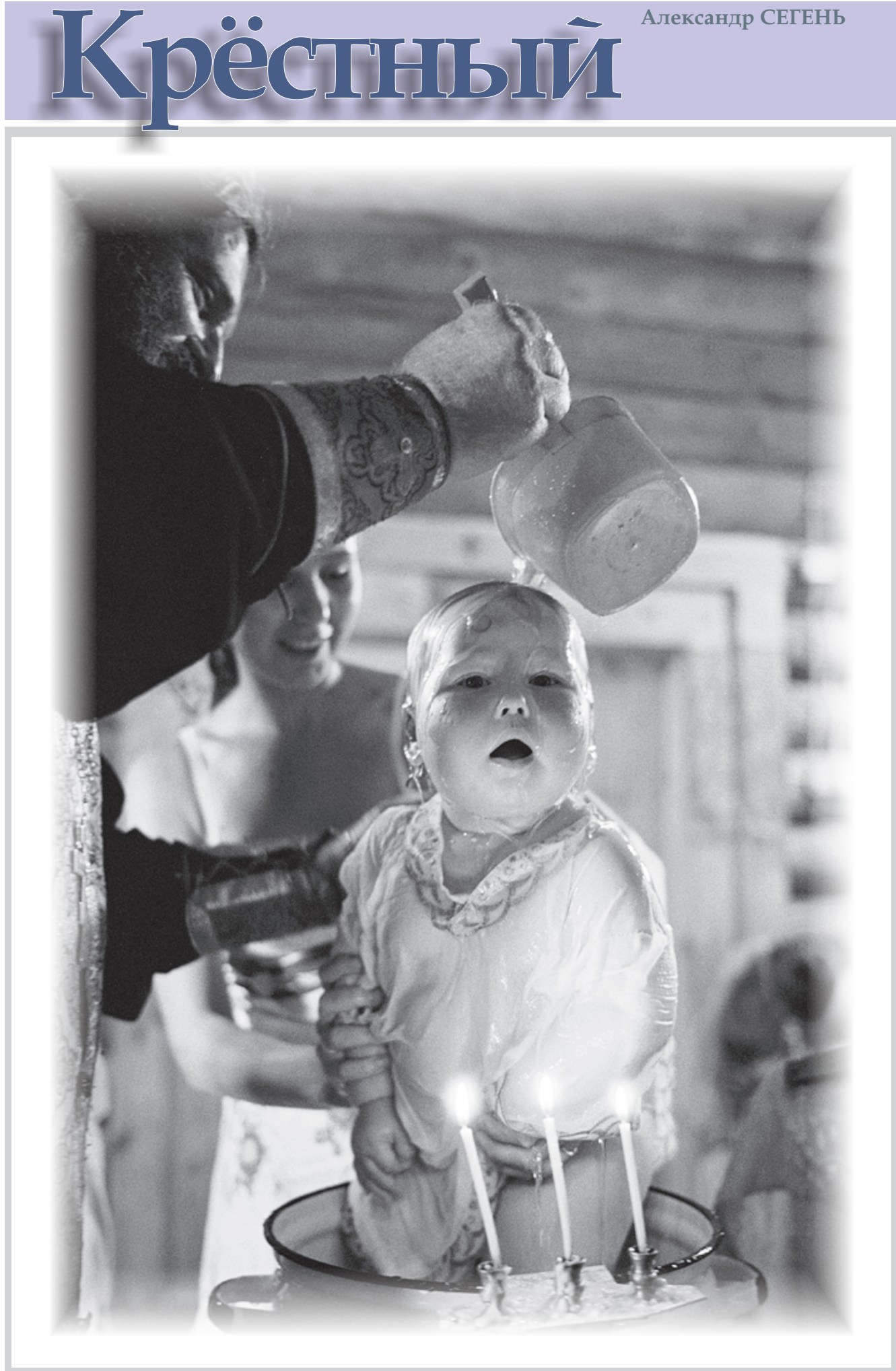
— Как это?

— Ну, дед был в первом, его не стало, я перехожу из второго в первый, а ты из третьего во второй. Понятно теперь? Во время поминок меня дико смущал

Куда тут денешься? Он вернулся. Однажды его даже поставили комендантом какой-то американской выставки, проходившей на ВДНХ, а в награду за хорошую работу выдали ценный подарок — ящик красивых полиэтиленовых пакетов с видами Нью-Йорка и Далласа.

Выпивку Александр Тимофеевич считал неотъемлемой частью повседневной жизни, но никто и никогда не видел его пьяным. Во время застолий, почувствовав, что принял лишнее, он просто находил, где прилечь, засыпал на пятнадцать-двадцать минут и вставал, как огурчик. Настоящий разведчик. Соседка по даче однажды придумала, будто видела, как он валялся в лесу пьяный, а по нему лягушки скакали.

— Мой Саша? Да ни в жись! — мгновенно встала на защиту сына моя бабушка. — Он ведро может выпить, уд-

Александр СЕГЕНЬ

Крёстный

деревне играли в футбол. Изваяли настоящее футбольное поле с разметкой, как полагаются, сколотили ворота. Цельный день трудились. Уж не терпелось начать игру. А тут ещё стадо коров во что бы то ни стало решило пройти именно через наш стадион. Пришлось несколько свежеспечённых говьяшек блинов убирать. Наконец, начался матч. Андрюша поставил меня в наших воротах, и я очень быстро пропустил целых пять банок. Не дожидаясь шестой плюшки, брательник удалил меня с поля:

— Пошёл отсюда, мудака!

Я, обижённый больше даже на себя, чем на него, отправился в дом. При виде меня крёстный спросил:

— А ты почему не играешь в футбол?

— Потому что я мудака, — сказал я, не подозревая, что слово нецензурное. Мне оно казалось вполне основательным и заслуженным. Пропустил три гола — просто дурак. Пропустил пять — переходишь в иную степень дурачьи.

— А кто тебя так назвал?

— Андрей. Я пятак голов про...

Но не успел договорить, как дядя Саша уже помчался к Андрюше...

Благодаря крёстному я почти никогда не чувствовал, что у меня нет отца, а Андрюшу считал не двоюродным, а родным братом.

По-настоящему я понял, что за удивительный человек мой крёстный, когда умер его отец, мой дедушка Тимоша. В те времена Александр Тимофеевич и его жена Светлана Васильевна второй или даже третий год работали в ГДР. Андрей, уже семнадцатилетний, жил в Москве под присмотром моей мамы, учился в техникуме. И вот, находясь в городе Кёнигс-Вустерхаузене, дядя Саша узнал о смерти своего отца и тотчас к начальству:

пакет с индейцами. Я сидел за столом на диване, а этот пакет, привезённый мне в подарок дядей Сашей, лежал у меня в тылу и грыз мне спину. Индейцы были из твёрдой резины, превосходно раскрашенные, в разных позах: прицелившийся из лука, с колена стреляющий из винчестера, ползущий с ножом в руке, скачущий на лошади, швыряющий томагавк, трясущий копыль, сидящий с трубой у костра, и, конечно же, вождь в полном своём великолепном оперении... Словом, они не могли терпеть, пока окончатся печальная церемония, шуршали целлофановой коробкой, в которой изволили приехать к нам в СССР, и в итоге оказались у меня под ягодицами. Один из них, по пояс обнажённый и с винчестером, проник мне тайком в руку, и я украдкой мог его разглядывать, пока мама не шинкнула на меня:

— Побойся Бога!

Я виновато оглядел собравшихся за столом. И вдруг увидел глаза моего крёстного. Полные тепла.

— Да ладно тебе, Нин, — сказал он моей маме. — Отца всё равно не вернёшь. А парню индейцы...

За то, что он написал заявление и уехал из ГДР хоронить своего отца, Александра Тимофеевича уволили из органов. И два года он работал в нашем ЖЭКе — столлярничал и слесарничал. При этом ничуть не огорчался, и даже напротив:

— Давно мечтал! Надоело это УлДК.

Впрочем, через два года Комитету государственной безопасности снова потребовались надёжные и проверенные кадры. Моего крёстного пригласили вернуться. Сказали:

— Толковый ты мужик, такие на дороге не валяются. К тому же, наверное, одумался.

ремнёт малость и встаёт, как новенький. А ты сама-то рюмку опрокинешь, и по тебе уже каракадилы ползают.

Легендарная разведческая способность пить много и не пьянеть погубила дядю Сашу, когда в середине восьмидесятых скончалась его жена, которую он очень любил. Любовь свою он раньше никак особо не проявлял. Я не помню, чтобы он называл Светлану Васильевну зайчиком, пусенькой, звёздочкой или хотя бы просто Светочкой, Светиком, Светланочкой. Исключительно Светкой. И даже мало того, ввиду особой полноты супруги нередко употреблял довольно обидное:

— А где твоё Слоно?

Но когда жены не стало, он так загоревал, что принялся глушить тоску горючими веществами. Уехал на дачу с несколькими ящиками водки и неделю пил без прерываний. Зная, сколько Александр Тимофеевич мог выпить, не пьянея, можно только с ужасом догадываться, в каких количествах он поглощал целебное снадобье, чтобы оно его прогнало. Кончилось тем, что утром, проснувшись, он увидел в углу комнаты

отнюдь не индейцев из твёрдой резины и превосходно раскрашенных, а такого же размера чёртиков, зелёных, резвых, юрких. Что они делали? Разумеется, бесновались. Строили ему рожи, огорчали похабными жестами, а главное — пищали и чирикали, как воробьи.

Всё это он потом мне откровенно рассказывал, когда спустя год к нему вернулся дар речи:

— И представляешь, Санька, что же я тогда сделал? Я взял веник, совок, сгрёб эту нечисть и отнёс в кучу компоста. Выкинул, вернулся, налил себе стакан, собрался опрокинуть... И тут у меня лоб покрылся вот таким слоем пота. «Стоп,

Саша! — сказал я себе. — Ты кого сейчас в компост выбросил? Примите наши поздравления, Александр Тимофеевич, вы допились до чёртиков!» А ещё говорю, их нету. Попей с моё и увидишь. Теперь я точно знаю, Санька, что они есть. А значит, и Бог есть. И надо от них к Нему стремиться, вот что я тебе скажу, крестничек мой!

Испугавшись такой встречи с нечистой, дядя Саша сел за руль и поехал с дачи в Москву. Очнулся он внезапно и увидел, что едет по встречной полосе. Затормозил, съехал на обочину, и тут его арестовал инсульт.

В первое время после больницы дядя Саша не мог говорить, а на все вопросы плакал, виновато улыбаясь и моргая. Слезы текут, а он улыбается, будто ребёнок, которого застучали, как он пьёт сырое яйцо, принадлежащее всему коллективу.

За восстановление дяди Саши взялась тётя Зоя. Она жила в соседнем доме и давно мечтала о таком муже. Внешне Зоя Ивановна очень напоминала Светлану Васильевну, только несколько поменьше в размерах, и если ту называли «тётя Слоно», то эту можно было назвать «тётя Слоник».

Хорошая, добрая женщина, она и впрямь всю себя положила на алтарь возрождения моего крёстного. Андрей жил с семьёй на другом конце Москвы, я какое-то время ухаживал за дядей Сашей, но он явно нуждался в крепкой женской руке тёти Зои. Она обменяла свою однокомнатную и его однокомнатную на третью однокомнатную, чуть побольше, но с огромной доплатой, которую следовало рассчитать до конца жизни. Оформив брачный союз, Зоя Ивановна охватила весь массив знаний о том, как поднимают на ноги человека после тяжкого инсульта. И уже через год дядя Саша стал разговаривать и не плакать, а ещё через два ходит вполне самостоятельно.

Я часто навещал его. Тем более что жили они с тётей Зоей прямо рядом с храмом Рождества Христова в селе Измайлово — том самом, в котором давным-давно дядя Саша стал моим крёстным, а я цапнул за нос добродушного измайловского попа, изревшего точную формулу химического состава моего характера.

Зоя Ивановна обожала изобретать напитки собственного производства на основе спиртов. У неё были и приторно сладкие, и такие, от которых скула сама собою уходила с запада на восток, а изредка получались и даже вполне приемлемые. Когда я приходил, она потчевала меня своими шедеврами. Бедный дядя Саша вынужден был на это смотреть. Да ещё время от времени укальваться о строгого тёти-Зоиного:

— Тебе, Сашочек, этого нельзя. Нельзя, миленький мой. Нельзя, голубчик, хоть ты тресни.

И он сидел, асфальтируясь, то бишь покрываясь всё более серым налётом, пока Зоя Ивановна не отлучалась по нужде или чтобы вытащить с балкона белого кота с отвратительным характером. В эти звёздные мгновения я стремительно наливал ему стаканчик, и он стель же стремительно выпивал. А то успевали и два взять. Асфальт мгновенно спадал, лицо у крёстного становилось румяным и счастливым, а возвращаясь Зоя Ивановна радовалась:

— Видишь, Сашочек, как ты разумился! Это на тебя болысы хуато такое оказывают воздействие. Кому что, как говорит. А нам с твоим крестничком сам Бог велел. Давай, Сашунчик, наливай.

Она так и разделяла нас: он Сашочек, а я Сашунчик.

— Ну как, Сашунчик, тебе моя полынная? Хороша? То-то же, не у Пронькиных. А Сашочку нельзя. Ни в коем случае нельзя. Даже вот столечко выпьёт, и ему смерть мгновенная. Не я придумала. Врачи говорят.

И так под неусыпным присмотром Зои Ивановны мой крёстный прожил между первым и вторым инсультом целых пятнадцать лет. Несколькими раз за эти годы она водила его в храм Рождества Христова.

— Да как исповедовался... — задумывался дядя Саша над моим вопросом. — Грешен? Грешен. Грешен? Грешен. Вот и всё. А я и не возражаю, что грешен. Что ж возвращать, если грешен. Хотя, какой на мне такой грех, ума не приложу. Жил, людям зла не делал. Но исповедь, как говорится, есть исповедь. Пришёл, так не увидала. Потом причащался. Вот бы тогда в органах узнали, что я причащаюсь. Етишь ты конём! Смешно и представить. А помнишь, Санька, как ты попа за нос цапнул? Это ещё что, мой Андрюша попа и вовсе струёй окатил. Тот очень сердился. А на тебя нет.

Тема работы в органах печалила дядю Сашу:

— Отдыха не знал. А какова теперь благодарность? Эти копейки? Лучше бы я всю жизнь столтаром работал, плотником, слесарем. А ещё лучше в деревне...

Когда крёстного взял под арест второй инсульт, он уже не оправился, несколько дней был без сознания, никого не узнавал и только звал какую-то Любу.

— Сашунчик, не знаешь, где эту Любу разыскать? — спрашивала Зоя Ивановна. — Чудно, ей-Богу! У я него Зоя. Та жена была Света. А он ни меня, ни её не зовёт, а только: «Люба! Где Люба? Позовите Любу!» Я бы ему её привела, лишь бы только Сашочек мой выздоровел.

Я обзвонил всех, кого только можно. Никто не знал никакую Любу. Так и ушла эта тайна вместе с моим крёстным, а я из второго ряда обороны перебрался в первый.